

Лу Инь поглубже забился в просторное заднее сиденье внедорожника, едва касаясь босыми ногами коврика. Черная штормовка едва прикрывала бедра. Тань Мо невольно скользнул взглядом ниже: длинные, безупречно стройные ноги с мягкими очертаниями мышц даже в полумраке салона казались ослепительно белыми, а на коленях проступал едва заметный розоватый оттенок.

Этот вид словно обухом ударил Тань Мо по голове.

Только сейчас до его заторможенного разума дошло: на Лу Инь нет абсолютно ничего, кроме его собственной куртки — той самой, которую он сам носил еще полчаса назад. Внезапная вспышка воображения заставила Тань Мо судорожно сжать пальцы — показалось, будто он физически ощутил прикосновение к этой нежной, чувствительной коже.

Он неловко кашлянул и спустя пару секунд глухо спросил:

— Почему без брюк?

— Ткань костюма тоже вызывает раздражение, — ответил Лу Инь.

— Понятно, — буркнул Тань Мо.

Сев за руль, он никак не мог прогнать это наваждение. Внедорожник плавно тронулся с места, оставив отель позади, и помчался в сторону Округа Цинхэ.

Опасаясь, что попутчик замерзнет, Тань Мо включил обогрев. Мерный гул кондиционера заполнил тишину салона. Время от времени он бросал взгляды в зеркало заднего вида. Лу Инь смотрел на проплывающие за окном огни; его брови были слегка сдвинуты, а безупречный профиль казался высеченным из льда.

Но стоило Тань Мо негромко позвать его по имени, как Лу Инь повернулся, и холод в его глазах мгновенно растаял.

— Почему ты переоделся посреди банкета? — спросил Тань Мо.

— Облился вином. Испортил рубашку.

— Сам?

Лу Инь ненадолго замолчал. Лгать не хотелось.

— Цзян Боянь.

Тань Мо стиснул зубы. Его взгляд мгновенно потемнел, но расспрашивать дальше он не стал, лишь крепче сжал руль.

Уже на подъезде к Округу Цинхэ он заметил в зеркале аккуратно сложенные на соседнем сиденье брюки и рубашку.

— Ты переодевался в новое? — внезапно спросил он.

Конечно, на приемах такого уровня организаторы всегда держали наготове неношенные вещи, но ревность требовала подтверждения. Получив лаконичный ответ, Тань Мо заметно расслабился. Напряжение, сковавшее его плечи, ушло.

— А я уж подумал...

Лу Инь изящно перекинул ногу на ногу и с легкой усмешкой перебил:

— Подумал, что я надел чужие вещи? С плеча какого-нибудь мужчины?

Тань Мо лишь недовольно хмыкнул.

— Строго говоря, сейчас на мне именно чужая куртка. Я ведь прав? Куртка другого мужчины.

«Другой мужчина» благоразумно промолчал.

Они миновали последний светофор, за которым начинались владения Округа Цинхэ. Дома их уже ждали лекарства от аллергии, предусмотрительно оставленные дворецким на столике в холле. Лу Инь переоделся в домашнее, спустился вниз и принялся изучать аннотацию к препарату.

Тань Мо налил ему теплой воды. Подождав, пока тот проглотит таблетку, он вдруг с деланной обидой произнес:

— А ты жестокий человек, Лу Инь.

Тот удивленно вскинул голову, не понимая причин столь внезапного обвинения.

— Приезжаю по первому же звонку, везу лекарства, волнуюсь, места себе не нахожу. И после всего этого я для тебя всего лишь... «какой-то другой мужчина»?

Лу Инь не выдержал и тихо рассмеялся.

Стоило ему улыбнуться, как напускная суровость Тань Мо мгновенно дала трещину. Конечно, он понимал, что это шутка, но упустить повод вытребовать себе особое отношение просто не мог.

Тань Мо был слишком высоким, так что Лу Иню пришлось слегка запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Посмотрев на него несколько секунд, он покачал головой и с мягким вздохом произнес:

— До чего же ты капризный.

Из-за действия антигистаминных Лу Инь рано ушел к себе. Перед сном сыпь казалась неопасной — обычное дело, скоро пройдет.

Однако около десяти часов вечера он проснулся от удушающего жара. Тело налилось свинцовой слабостью, перед глазами все плыло. С трудом подавив подступившую тошноту, Лу Инь коснулся лба — кожа пылала. Началась лихорадка.

Шею и спину нестерпимо жгло. Не выдержав, он попытался почесать воспаленные места; ногти прошлись по нежной коже, оставив саднящие царапины. Вглядываясь в тусклые очертания ночника в темноте, он пересилил себя и набрал номер Тань Мо.

Семейный доктор примчался на вызов в рекордно короткие сроки и немедленно поставил капельницу.

Температура подскочила почти до сорока градусов, сознание больного путалось. Организм, давно не сталкивавшийся с сильными аллергенами, выдал сокрушительную реакцию.

Тань Мо нахмурился, внимательно выслушал все инструкции врача. Едва за доктором закрылась дверь, он вернулся в спальню Лу Иня. Тот в полузабытии снова тянулся рукой к пылающей шее. Тань Мо бросился вперед и перехватил его запястье.

Он крепко, но бережно сжал его руку. Пальцы Лу Иня рефлекторно дернулись, пытаясь высвободиться.

— Потерпи немного, — мягко, уговаривающе прошептал Тань Мо. — Расчешешь — шрамы останутся.

Лу Инь слабо застонал от дискомфорта и переключился на руку Тань Мо. Его ногти царапали кожу парня, но из-за жара силы оставили его — эти прикосновения были слабыми, словно лапки котенка.

В лихорадочном блеске затуманенных глаз дрожали слезы. Вся привычная холодность, гордость и отстраненность Лу Иня испарились без следа, уступив место беззащитности.

Тань Мо понимал, что слезы — лишь физиологическая реакция на высокую температуру, но сердце все равно сжалось от жалости. С предельной осторожностью он убрал с мокрого лба влажную челку и одной рукой распечатал охлаждающий пластырь.

Лу Инь молча следил за каждым его движением. Когда прохладный компресс лег на лоб, резкий контраст заставил его вздрогнуть. В воспаленном сознании наконец прояснилось.

— Доктор сказал, как только прокапает лекарство, жар спадет.

— Я в порядке, — прошептал Лу Инь и попытался высвободить руку, но хватка лишь окрепла.

Упрямство Тань Мо всегда граничило с деспотизмом, и это мягкое насилие заставило Лу Иня безотчетно подогнуть пальцы. Лишенный свободы движений, он судорожно сжимал и разжимал черную простыню под собой.

В спальне воцарилась тишина. Лу Инь утомленно прикрыл глаза, но успокаивающее тепло чужой ладони на запястье никуда не исчезло.

Когда Лу Инь снова открыл глаза, флакон капельницы опустел наполовину. Настенные часы показывали половину двенадцатого.

Тань Мо и не думал спать. С бодрым, полным энергии видом он сидел у постели и от нечего делать лениво перебирал пальцы больного.

Тань Мо увлекался скалолазанием, поэтому его ладони покрывали жесткие мозоли. Шершавая кожа скользила по сверхчувствительным пальцам Лу Иня, вызывая волну мелкой дрожи.

Лу Инь едва заметно вздрогнул.

Заметив это движение, Тань Мо мгновенно убрал руки и с самым невозмутимым видом поднял голову. Он собирался что-то сказать, но, взглядевшись в лицо друга, осекся.

Короткое забытие сыграло с воспаленным разумом Лу Иня злую шутку. Глядя на сидящего рядом Тань Мо, он окончательно перестал понимать, где явь, а где воспоминания о прошлой жизни. Его зрачки расширились от шока, дыхание перехватило.

Словно пытаясь удержать вновь обретенное сокровище, он потерянно протянул руку.

Решив, что больной хочет что-то сказать, Тань Мо склонился ниже. В ту же секунду горячая ладонь Лу Иня мягко легла на его щеку. Пальцы едва ощутимо, почти невесомо очертили скулу.

— Тань Мо?..

— Да? — Тань Мо удивился такому жесту, но послушно отозвался: — Я здесь.

Лу Инь окончательно попал под очарование этого слишком реалистичного кошмара. На его лице, обычно непроницаемом, отразилась глубокая, почти осязаемая скорбь. Он смотрел на Тань Мо с пугающей, болезненной сосредоточенностью, будто пытался пробиться сквозь преграду времени прямо к его душе.

Тань Мо неловко коснулся своей щеки.

Глаза Лу Иня покраснели, на ресницах блестели слезы. Не на шутку встревоженный Тань Мо потянулся за салфеткой, чтобы вытереть их, но стоило ему приподняться, как Лу Инь мертвой хваткой вцепился в его запястье.

— Не уходи.

В его голосе сквозило отчаяние.

Резкий жест Лу Иня оставил на тыльной стороне ладони Тань Мо глубокие красные царапины. Оба замерли.

Лу Инь опустил взгляд на следы от своих ногтей. Он медленно, прерывисто задышал, силясь восстановить контроль над телом. Жар понемногу отступал, возвращая ясность мыслей.

Все верно. Он вернулся на десять лет назад.

С трудом подняв тяжелую руку, он прижал ладонь к виску и глухо произнес:

— Прости.

Немного помолчав, он добавил в оправдание своей слабости:

— Кошмар приснился.

Тань Мо покрутил затекшей кистью и пододвинулся ближе:

— Что за кошмар?

Лу Инь не ответил. Лишь снова бессильно прикрыл глаза; его густые темные ресницы мелко

дрожали, подчеркивая болезненную бледность лица.

Ему не хотелось откидываться на подушки — непреодолимо тянуло прислониться к Тань Мо. Сознание вновь заволакивала сонная дымка, лишая воли. Сейчас он физически не мог отпустить этого человека, демонстрируя поразительную, совершенно нетипичную для себя уязвимость и ласку.

Сердце Тань Мо окончательно растаяло. Он бережно притянул Лу Иня к себе, позволяя уткнуться в свое плечо, невзирая на то, что его собственное тело уже затекло от неподвижности.

Тань Мо не смыкал глаз почти до рассвета, лишь под утро ненадолго провалившись в чуткий сон прямо на краю постели. Ближе к утру лихорадка отступила, температура пришла в норму.

Поднявшись, чтобы принести свежей воды и сменить пластырь, Тань Мо наклонился над Лу Инем. Его взгляд скользнул в вырез чужой футболки, задержавшись на багровых пятнах аллергической сыпи в районе ключиц. Глаза парня недобро сузились.

— Цзян Боянь, — едва слышно процедил он сквозь зубы и злобно прикусил щеку изнутри.

Этому ублюдку пора преподавать урок.

Впрочем, Лу Инь просил пока не афишировать их связь перед Цзян Боянем. Тань Мо хоть и не понимал причин такой скрытности, но обещание сдержал.

Наступил следующий день, понедельник.

На носу был межвузовский баскетбольный турнир Цзян-да. Цзян Боянь, ведущий нападающий сборной, с раннего утра тренировался с командой. Однако сегодня игра у него не клеилась. Он постоянно отвлекался, мазал из выгодных позиций и то и дело упускал мяч. Раздраженный собственными ошибками, он мрачно скомандовал прекратить отработку и ушел на скамейку запасных.

Сун Ян тут же подбежал с бутылкой воды, заискивающе улыбаясь.

Но Цзян Бояню сейчас одно его лицо казалось невыносимым раздражителем. Проигнорировав заботу, он повернулся к своему прихвостню:

— Ну? Что узнал?

Оказавшись в черном списке у Лу Иня, он даже купил новую сим-карту, но тот упорно не брал трубку с незнакомых номеров. Боянь собирался сегодня зажать строптивца прямо в аудитории,

но выяснилось, что тот не явился на занятия. От безысходности пришлось подослать человека разузнать подробности.

— Он взял больничный, — доложил приятель.

Цзян Боянь со свистом смял в кулаке пустую пластиковую бутылку:

— Болеет?

— Да, отпросился у куратора на три дня. Похоже, что-то серьезное.

«Твою мать... Неужели я его до этого довел?»

Эта мысль отозвалась в груди Бояня странным смятением, и его лицо недовольно исказилось.

Мелочный упрямец! И из-за чего устраивать трагедию? По-хорошему, злиться должен был он, Боянь. Вчера этот чертов гордец вылил ему на голову бокал вина на глазах у всей компании, выставив полным дураком. И ведь Боянь его пальцем не тронул, отпустил с миром!

Хотя искушение врезать Лу Иню было колоссальным.

Когда липкие темные струи заливали глаза, а одежда неприятно липла к телу, Боянь едва контролировал ярость. Он мертвой хваткой вцепился в воротник Лу Иня и замахнулся. Ему хотелось сокрушить эту спесь, заставить вымаливать прощение, плакать и клясться, что никакого расставания не будет. Он искренне жаждал этого удара.

Но занесенный кулак замер в паре сантиметров от лица Лу Иня, так и не коснувшись его кожи.

Лу Инь даже не зажмурился. Он смотрел в упор, холодный и спокойный. В ярком свете банкетного зала его бледная кожа отливала благородной белизной нефрита, вызывая у Бояня странное оцепенение — бить эту красоту казалось святотатством.

Разум раскалывался от противоречий.

Впервые в жизни мажор заставил себя признать очевидное: это он первый облил Лу Иня. Лу Инь лишь вернул долг. А значит, Цзян Боянь получил ровно то, что заслужил. Он сам напросился.

В итоге он уступил. Сун Ян дергал его за рукав, друзья недоуменно перешептывались, не понимая причин такой мягкости. Пытаясь сохранить лицо, Боянь буркнул что-то про мачеху:

— Если бы я устроил дебош на приеме Чжао Сипэй, отец бы с меня шкуру спустил.

Новость о болезни Лу Иня неприятно отозвалась в груди. Боянь собирался расспросить прихвостня подробнее, как вдруг на их половину корта торопливо зашел незнакомый парень. Замявшись, он нерешительно остановился перед лидером команды.

— Эй, Цзян...

Он окликнул его, но тут же замолчал, подбирая слова.

Боянь раздраженно вскинул брови:

— Чего тебе?

— Дело есть! Очень важное дело, Цзян! — поспешно зачастил тот.

Но тут же снова замялся. Терпение Бояня, и без того натянутое как струна, лопнуло:

— Говори быстрее, пока я тебе не помог.

Он сейчас напоминал бочку с порохом, готовую взлететь на воздух от малейшей искры.

Заинтересованные назревающим скандалом, игроки начали подтягиваться ближе.

На лице Сун Яна тоже отразилось живое любопытство.

Под прицелом десятка глаз вестник занервничал еще сильнее. Хотя они учились на разных факультетах, слухи о бешеном нраве и неприличных богатствах наследника семьи Цзян гремели на весь университет. Но обещание щедрой платы перевесило страх. Зажмурившись, он выпалил:

— Тут один парень просил передать тебе послание.

Боянь высокомерно хмыкнул:

— Ну валяй.

Парень с трудом сглотнул слюну:

— Он сказал... Цитата: «Цзян Боянь, чужая жена слаще кажется? С самого детства привык лезть к моей жене с поцелуями, бесстыжая ты тварь».

От ужаса он цедил слова по слогам, но не успел закончить, как лицо Бояня налилось багровым гневом, а кулаки сжались с такой силой, что побелели костяшки. Взрыв был неизбежен.

Студент испуганно сжался под этим взглядом. Минут двадцать назад у ворот кампуса к нему подошел высокий парень в медицинской маске. Он протянул пачку купюр — ровно пятьдесят тысяч юаней — за одну простую услугу: зачитать это послание Цзян Бояню при свидетелях.

Пятьдесят тысяч за пару фраз! От такого предложения откажется разве что сумасшедший. Да, Боянь страшен в гневе, но деньги не пахнут.

Пересилив дрожь в коленях, вестник добросовестно зачитал остаток текста:

— «Если еще раз посмеешь тронуть мою жену, я из тебя всю дурь вышибу».

Коротко отчитавшись, он мгновенно отскочил назад, спасая свою шкуру, и замахал руками:

— Только не бейте! Это не мои слова, я просто передал!

Вокруг Бояня образовался мертвый вакуум тишины.

Сун Ян ошарашенно прижал ладони к губам.

Боянь буравил парня ледяным, обещающим скорую расправу взглядом. На лбу бешено пульсировала вена. От зашкаливающей ярости он вдруг дико расхохотался, его глаза налились кровью:

— Прекрасно. Просто отлично.

Он рванул испуганного студента за воротник, притянув вплотную к своему лицу:

— А теперь колись: сколько этот ублюдок тебе заплатил?

— Пятьдесят... пятьдесят тысяч, — заикаясь, парень показал раскрытую ладонь.

Боянь презрительно цыкнул, выхватил из кармана телефон и мгновенно перевел ему на счет двойную сумму:

— Даю вдвое больше. Говори, кто это был.

— Он... высокий очень, — студент попятился, стараясь держаться подальше. — Лицо в маске, не разглядеть.

— И это все?

— Еще... вспомнил! Молодой, на вид наш ровесник. И машина у него крутая — черный внедорожник. Сразу видно, при деньгах!

Боянь попытался вытянуть еще хоть какие-то зацепки, но тщетно. Окончательно потеряв терпение, он швырнул спортивную сумку на плечо и размашистым шагом направился к выходу. От его фигуры буквально веяло могильным холодом. Оставшиеся на корте игроки и Сун Ян растерянно переглядывались.

Стоило тяжелой двери закрыться за лидером, как зал взорвался шумом пересудов.

Никто из окружения мажора понятия не имел, о какой «жене» идет речь. Чтобы гордый Цзян Боянь опустился до роли разрушителя чужих отношений, да еще и огреб публичные угрозы от обманутого мужа? Это звучало как бред сумасшедшего.

Сун Ян, отбиваясь от расспросов, лишь бледнел и мотал головой. Он уверял себя, что Боянь для него лишь друг, но мысль о том, что тот увлекся кем-то другим, отозвалась в груди удушающей ревностью.

«Боянь — моя собака. Он должен всю жизнь сидеть у моих ног. Как он смеет пресмыкаться перед кем-то другим?»

Выбежав из спорткомплекса, Боянь направился прямиком в будку охраны. Соврал, что у него стащили бумажник, и потребовал показать записи с камер у ворот. Но уличные камеры зафиксировали лишь размытый силуэт на приличном расстоянии — марку и номера черного джипа разобрать было невозможно.

Очередная неудача довела его до белого каления. Сквозь зубы бросив «черт с вами», он вылетел на парковку и прыгнул в салон своего спорткара.

Спорткар неся по городскому шоссе подобно пущенной стреле. Рев мотора и бьющий в лобовое стекло ветер выметали из головы остатки здравого смысла. Намертво вцепившись одной рукой в руль, Боянь тупо смотрел на дорогу.

Стоило ему вспомнить Лу Иня, как ярость вскипала с новой силой.

«Этот паршивец специально нашел какого-то ублюдка, чтобы побесить меня. Сука, к гадалке не ходи, так оно и есть!»

В голове теснились дикие, жестокие картины. Ему хотелось ворваться к Лу Иню, встряхнуть его за плечи и заставить признаться, за что он так измывается над его чувствами.

Визг тормозов огласил парковку элитного скалодрома, куда Боянь часто заезжал выпустить пар. Швырнув ключи парковщику, он ворвался в здание.

— Молодой господин Цзян, давненько вас не было!

Администратор расплылся в улыбке, пытаясь на ходу презентовать новые трассы со сложным рельефом. Но Боянь даже не взглянул на буклет.

— Избавь меня от этого, — грубо оборвал его Боянь.

Он подошел к стойке и принялся молча растирать по ладоням порошок магнезии. Ему не хотелось никого видеть и слышать.

Боянь направился к самой сложной стене для свободного подъема. Почти двадцать один метр вертикали, категория сложности 5.13 — испытание не для слабых. Цзян Боянь давно удерживал здесь рекорд по скорости прохождения, и пока никому не удавалось побить его результат.

Он наклонился, проверяя карабины страховочной системы, и уже занес руку над первой зацепкой, как боковым зрением уловил движение внизу.

У стены стоял парень внушительного роста в ярком худи и спортивных брюках. Черная бейсболка была нахлобучена низко на лоб, на плече небрежно висел рюкзак. Скрестив руки на груди, незнакомец в упор разглядывал Бояня. Игнорировать такое откровенно вызывающее поведение было невозможно.

Боянь, искавший любой повод для драки, немедленно одарил его свирепым взглядом. Козырек кепки скрывал верхнюю половину лица незнакомца, но наглый, издевательский изгиб губ заставил Бояня сжать кулаки от прилива слепой злости.

Раздраженно прикусив щеку, Боянь подозвал одного из инструкторов:

— Это еще кто за хмырь? Я его здесь раньше не видел. Какого черта сюда пускают посторонних?

Сотрудник проследил за его взглядом и заметно занервничал:

— Видите ли, господин Цзян... это...

По его испуганному лицу стало ясно: визитер — птица не менее высокого полета.

Поняв, что внятного ответа не дождется, Боянь брезгливо отмахнулся и послал незнакомцу предупреждающий взгляд. Но тот и не думал тушеваться. Напротив, он небрежно оттолкнулся от стены и направился прямо к нему.

Боянь смерил его ледяным взглядом, пытаясь вспомнить, где мог видеть это лицо.

С каждым шагом приближающегося парня детали мозаики складывались воедино. Наконец Боянь прищурился. В памяти всплыла сцена месячной давности.

На одном из светских раутов, куда Бояня притащил отец, они повздорили на открытой террасе из-за какой-то глупой онлайн-игры. Этого наглеца звали Тань Мо, и он являлся единственным наследником Тань Сыли, главы холдинга «Таньши».

Большую часть жизни парень провел за границей и лишь недавно вернулся в Цинхэ вместе с дедом, Тань Чжаого, поступив в международный класс Первой средней школы Цинхэ.

Малолетний придурок, у которого еще молоко на губах не обсохло.

Делить им было абсолютно нечего.

Однако, как и при первой встрече, при виде Тань Мо в груди Бояня всколыхнулось глухое, ничем не объяснимое отторжение. Настроение испортилось окончательно. Он отчетливо чувствовал какую-то подсознательную, дикую враждебность к этому человеку.

И это чувство лишь усилилось, когда Тань Мо подошел вплотную.

Боянь отцепил карабин, уверенно ступил на маты и смерил соперника надменным взглядом:

— Проблемы какие-то?

Тань Мо молча остановился напротив, оценивающе оглядывая его с ног до головы. В этот момент он мысленно поблагодарил отца за отличную генетику: Тань Мо был ощутимо выше Бояня.

Благодаря этому превосходству он сразу же подавлял соперника своим видом.

Тань Мо снисходительно усмехнулся. Взяв из рук подбежавшего служащего чашу с магниезией,

он принялся неторопливо пудрить ладони.

— Без обид. Слышал, ты тут местная легенда. А я как раз не прочь размяться. Ну так что, рискнешь помериться силами?

Вызывающий, пренебрежительный тон мгновенно задел самолюбие Бояня.

— А если зубы обломаешь? — процедил он.

Тань Мо безразлично пожал плечами:

— А вдруг выиграю?

— Ты? — Боянь издевательски расхохотался. — Малыш, тебе до моего рекорда как до луны пешком.

— Поменьше трепи, — оборвал его Тань Мо. — Струсил?

Простейшая уловка сработала безотказно. Вспыльчивый мажор тут же заглотнул наживку:

— Кто струсил?! Да я тебя в порошок сотру!

Убедившись, что вызов принят, Тань Мо скинул рюкзак и принялся не спеша извлекать экипировку. Боянь, отлично разбиравшийся в снаряжении, сразу понял: перед ним не любитель, а серьезный профи. Это лишь добавило раздражения. Он стоял в стороне, недовольно наблюдая за приготовлениями соперника.

Приходилось признать: Тань Мо обладал яркой, хищной мужественной красотой. Широкие плечи, уверенный разворот груди, правильные, волевые черты лица — придраться было практически не к чему.

Да и происхождение у парня было безупречным. Боянь поймал себя на дикой, абсурдной мысли: он невольно сравнивал себя с этим наглецом, пытаясь угадать, пришелся бы такой типаж по вкусу Лу Иню или нет.

Осознав, куда его занесло, Боянь злобно усмехнулся про себя.

«Совсем с ума сошел. В каждом встречном вижу соперника. Что за дрянь подсыпал мне Лу Инь, раз я стал таким ненормальным?»

Тань Мо отряхнул руки и поднялся во весь рост. Разница в несколько сантиметров в его пользу

заставила Бояня, всегда гордившегося своим ростом, помрачнеть еще сильнее.

Их взгляды скрестились, словно клинки. Боянь насупился, сжав кулаки. Внезапно в его голове вспыхнула шальная догадка, от которой неприятно заныло под ложечкой.

— Ты ведь меня на дух не переносишь, так? — прищурился он.

— Взаимно, — Тань Мо нагло оскалился. — Бывают же такие рожи: один раз глянул — и сразу понял, что общего языка вы никогда не найдете.

Боянь сделал глубокий вдох и, пересилив внутренний барьер, озвучил безумную догадку:

— Ты знаешь Лу Иня?

Хотя сама мысль казалась абсурдной, он не мог не спросить.

Он впился глазами в лицо соперника, ловя малейшее движение мышц, но Тань Мо выглядел абсолютно безразличным. Его удивление казалось предельно искренним:

— Лу Инь? Это еще кто?

А секунду спустя он с издевкой добавил:

— Твой дружок?

Боянь мгновенно взорвался:

— Не твое собачье дело!

<http://bllate.org/book/20470/2181660>